

Кошелева Альбина Леонтьевна

**ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДАНИЯ ХАКАСОВ, ЗАПИСАННЫЕ Н. Ф. КАТАНОВЫМ (1889-1892 ГГ.):
ЖАНРОВО-СТИЛИСТИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ, ТИПОЛОГИЯ**

Предания - один из жанров народной духовной культуры хакасов, ее явление, мимо чего не мог пройти великий ориенталист, филолог, историк Н. Ф. Катанов. Однако имеющий большое познавательное значение жанр оказался за пределами научных интересов. В нашей статье впервые рассматривается тематика, поэтика хакасских исторических преданий в контексте их национально-исторической конкретики и творческой типологии.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/4-1/11.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 4(70): в 2-х ч. Ч. 1. С. 40-44. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/4-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

На сегодняшний день редкое использование коллажей постепенно приобретает постоянный характер. В этом аспекте острокритические коллажи являлись одним из основных визуальных ресурсов газеты «Асаба». Практически в каждом номере наблюдалось их активное использование. Как правило, в этих визуальных материалах отражались самые актуальные проблемы в обществе, целостная картина происходящего на политической арене страны.

Список источников

1. Асаба. 2000. 19 мая.
2. Асаба. 2000. 30 мая.
3. Асаба. 2000. 2 июня.
4. Асаба. 2000. 28 июля.
5. Мамбеталиев К. О состоянии СМИ Кыргызстана [Электронный ресурс]. URL: <http://monitoring.kg/?pid=10> (дата обращения: 13.12.2016).
6. Мониторинг кыргызскоязычных печатных СМИ 2011-2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://medialaw.kg/2013/01/27/kg-media-monitoring-2011-2012/> (дата обращения: 10.12.2016).
7. Мониторинг кыргызскоязычных СМИ или куда мы катимся [Электронный ресурс]. URL: <http://stanradar.com/news/full/115-monitoring-kyrgyzskojazychnyh-smi-ili-kuda-my-katimsja.html> (дата обращения: 13.12.2016).
8. СМИ Кыргызстана в условиях суверенитета и демократических преобразований в Республике (1991-2006 гг.) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.open.kg/about-kyrgyzstan/socio-economic-resources/mass-media/page,22,1489-smi-kyrgyzstana-v-usloviyah-suvereniteta-i-demokraticheskix-preobrazovaniy-v-respublike-1991-2006-gg.html> (дата обращения: 12.12.2016).
9. Совет уулу Мелис. Аскер Сагыбаева, главный редактор газеты «Жаны агым»: «Асабу» закрыли Турдакун Усубалиев и «Кумтор» [Электронный ресурс]. URL: http://www.gezitter.org/politic/6749_asker_sakyibaeva_glavnyiy_redaktor_gazetyi_jany_i_agyim_asabu_zakryili_turdakun_usubaliev_i_kumtor/ (дата обращения: 17.02.2017).

TYPOLOGICAL PECULIARITIES OF THE SOCIO-POLITICAL NEWSPAPER “ASABA”

Kakishov Kenzhebek Kanybekovich

*Kyrgyz Russian Slavic University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin
kenjebek83@mail.ru*

Socio-political newspaper “Asaba” serves as the research material; the author examines newspaper’s typological characteristics according to such criteria as socio-political orientation, target audience, the integrity of problematic and thematic areas, rubrication and thematic strata, the nature of information, its interpretation.

Key words and phrases: newspaper; typology; genres; information; themes; universality; quality newspapers.

УДК 8; 10.01.00

Предания – один из жанров народной духовной культуры хакасов, ее явление, мимо чего не мог пройти великий ориенталист, филолог, историк Н. Ф. Катанов. Однако имеющий большое познавательное значение жанр оказался за пределами научных интересов. В нашей статье впервые рассматривается тематика, поэтика хакасских исторических преданий в контексте их национально-исторической конкретики и творческой типологии.

Ключевые слова и фразы: предание; традиция; типология; ритуал; сказка; цикл; реципиент; генезис; история; национальная культура.

Кошелева Альбина Леонтьевна, д. филол. н.

*Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, г. Абакан
kosheleva.albina.38@mail.ru*

**ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДАНИЯ ХАКАСОВ, ЗАПИСАННЫЕ Н. Ф. КАТАНОВЫМ (1889-1892 ГГ.):
ЖАНРОВО-СТИЛИСТИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ, ТИПОЛОГИЯ**

Книга Н. Ф. Катанова «Образы народной литературы тюркских племен» (т. IX) содержит 2812 транскрибированных по системе академиков О. Н. Бётлинга и В. В. Радлова тюркских текстов (песни, загадки, толкования снов, отдельные предложения, сказки, рассказы, предания, легенды, шаманские молитвы, описания обычаев и пр.), «... записанные мною, – как выразился сам ученый, – в разное время и принадлежащие шести народностям Присяянья» [4, с. 1], имея в виду урянхайцев, качинцев, сагайцев, койбалов, бельтыров, карагасов. Записанные и систематизированные Н. Ф. Катановым тексты – это ценнейший материал для ученых-гуманитариев. Данный уникальный труд стал предметом изучения для некоторых литературоведов, фольклористов и писателей Хакасии, в частности, – сказки (М. А. Унгвицкая, П. А. Трояков), обряды (Г. Г. Казачинова, В. К. Татарова), пословицы, поговорки (Л. К. Ачитаева), жанровая система (А. Л. Кошелева), песни (В. Е. Майногашева, А. В. Преловский), шаманские мотивы. Однако за пределами научных интересов осталась такой интереснейший, имеющий большое познавательное значение жанр, как предание.

Преданий записано немного – всего 42. До настоящего времени в отечественной фольклористике нет достаточного обоснованного определения жанра преданий. Нередко в научной литературе допускается смешение предания с легендой, устным рассказом, исторической песней. Но ведь в легенде сравнительно много вымысла, даже фантазии, в устном рассказе чаще всего воспроизводится время ближнее, иногда с участием самого рассказчика, историческая песня имеет стихотворную форму. Таким образом, исходя из ряда убедительных доводов многих ученых, можно прийти к выводу: *предание – это эпический, повествовательный, сюжетный жанр народного творчества, строящийся на одном ярком, необычном эпизоде, сохраняющий память о событиях, явлениях, деятелях национальной истории, имеющий порой местную окраску и некоторую долю вымысла и воспринимаемый рассказчиком и слушателем как действительно нечто происходившее*. Предания – это очень древний, бытующий в фольклоре каждого народа жанр с элементами, признаками *закономерной типологии*. Ссылаясь на изыскания по этому поводу ученого XIX века И. М. Снегирева, известный современный фольклорист В. П. Аникин пишет: «В единой общечеловеческой культуре, в мировоззрении народов существуют опорные *константы*, что не мешает ей разнообразиться по странам и континентам. Мы имеем дело с всесторонней и универсальной *культурной типологией*... Имеется в виду повторяемость, порожденная сходством общественной жизни, бытового уклада, обыкновений, обрядов, ритуалов, обычаев...» [2, с. 392]. Народные предания неоднородны по своей содержательно-стилистической структуре, но до сих пор им не дано достаточно обоснованной и стройной классификации. В отечественной фольклористике по этой проблеме представляют интерес исследования С. Н. Азбелева, В. Е. Гусева и В. К. Соколовой, предлагающих наиболее очевидную и простую форму классификации преданий – классификацию по темам. С. Н. Азбелев отмечает: «Предания и легенды, как правило, разграничиваются по тематике – *исторические, топонимические, религиозные, демонологические, бытовые и др.*» [1, с. 6]. В. Е. Гусев уточняет, разделяя исторические предания на «*собственно исторические*», повествующие о событиях, и «*героические*» – о лицах [3]. В. К. Соколова справедливо возражает В. Г. Гусеву, замечая отсутствие разницы между этими номинациями: «...историческими могут быть и предания о событиях, и предания о лицах, героическими также могут быть предания и о событиях, и о лицах», предлагая деление преданий на два типа: «предания исторические и топонимические» [7, с. 249]. Современная фольклористика допускает также *систематизацию элементов преданий*, например, представленную тремя типами: «*тип персонажей, тип их действий и состояний и тип обстоятельств, вследствие которых что-либо совершается*» [5, с. 123]. Все эти изыскания фольклористов носят в определенной степени методологический характер и могут быть отправленными в каждом конкретном случае, в том числе в исследовании преданий, записанных Н. Ф. Катановым.

Для классификации преданий Присяянья, *на наш взгляд*, наиболее приемлема тематическая классификация С. Н. Азбелева, конечно, ориентированная на историко-географическую, этнографическую и онтологическую – национальную конкретику. Поэтому и позволим себе внести в предложенную ученым классификацию преданий (исторические, топонимические, религиозные, бытовые), как нам кажется, необходимые коррективы, в частности: ввести дополнительную номинацию преданий – *генезисные предания* (о происхождении рода (кости)) и *шаманские*, рассказывающие о шаманах. В целом, 42 присаянских предания в цифровом эквиваленте можно представить следующим образом: 17 преданий *генезисных*, 9 – *бытовых*, 3 – *топонимических*, 10 – *исторических* и 3 – *шаманских*.

Для жанра преданий, как и для других жанров народного творчества, характерно такое явление, как *циклизация* – объединение ряда произведений вокруг исторических персонажей или одного какого-либо героя, или по сходным сюжетным ситуациям.

Так, в присаянских исторических преданиях (их десять) четко просматривается *цикл из пяти преданий* о князе-богатыре Канза-пеге. Их бытование ограничивается определенным районом – левый берег реки Абакан, в улусах, расположенных недалеко от села Аскыс (*написание Н. Ф. Катанова – А. К.*). Своеобразно начало предания, представляющего этого героя: «*Жил один богатырь, по имени Канза-пег. Это был самый последний из древних богатырей, оставшийся на земле...*» [4, с. 279], – оно, как в сказке, а «богатырь» – это уже алыптыхнымах. Но затем следует реальный рассказ о том, что «*князь Канза не признавал своим царем Белого Царя, упрямо повторяя: “Я сам князь! Зачем же буду другого князя называть своим царем?”*» «*Здесьние чиновники посылают к царю бумагу*» – жалобу. От царя пришла в ответ грозная бумага: «*Напоите его вином допьяна!.. Свяжите его, притянув руки и ноги к спине! Вкопайте в землю 2 столба, а сверху на них положите перекладину! Затем железными крючками подденьте его за 2 бока и положите на перекладину вниз головою!*» Они так и сделали... Он выпил целых 40 ведер вина» [Там же]. «*Отрезвился*» Канза на перекладине, а на вопрос чиновников «*Признаешь ли ты своего царя царем?*» ответил: «*Если я сам – царь, то как же буду признавать своим царем!*» Более полный ответ князя Канзы заключен, вернее, зашифрован в его песне, которую он «*продекламировал*» вопрошающим: «*Кто не свяжет пьяного человека? Кто не сядет на оседланного коня? Кто не свяжет человека, лежащего пьяным? Кто не сядет на коня, на котором есть узда?... Шестигранное ружье князя Канза, богатырем родившегося, стреляет через шесть гор и попадает в 60 Русских! Шестигранное ружье князя Канза, богатырем родившегося, пусть лежит подо мною и ржавеет, если наступит день смерти! Семигранное ружье князя Канза, богатырем родившегося, пусть лежит подо мною и ржавеет, если настанет день удаления мною отсюда! Оно таково, что стреляет через 7 гор и попадает в 70 Русских...*», – пение Канза заключил словами: «*О если бы Белый Царь, гремя колокольцами, приехал в эту землю!*» [Там же, с. 280]. Чиновники, услышав фразу «*Царь мой*», поспешили Царю сообщить, что Канза «*заплатил бы подати, если бы Белый Царь приехал сюда*». Предание резко обрывается фразой: «*Пока от Царя возвращался ответ, чистая душа его прервалась...*». Налицо историзм повествования, имеющий местную окраску: в этом и последующих четырех преданиях рассказывается

об одном и том же князе Канзе, проживающем в пределах одной местности, отказывающегося платить дань Белому Царю. Четко просматривается жанровая традиционность художественной структуры преданий о Канзе: ярко обозначенная *трехчастность сюжета* (в центре – яркий характерный герой, его поступок и следствие этого поступка – казнь героя); *сохранение инерции поэтики сказки, народной песни, алып-тыхнымаха* с их ретардацией, повторов, гиперболой, магическими числами, символиккой и олицетворением; *сюжет строится на одном эпизоде* – ярком и необычном.

Однако, что интересно, присутствует в этом цикле и столь характерный для фольклора элемент – *вариативность*: каждое из последующих четырех преданий привносит в рассказ о князе Канзе что-то новое или несколько измененное. В предании, записанном в улусе Апаков [Там же, с. 337], имеют место сразу несколько новаций: наличие двух братьев у Канзы-пега – Тегдигеса и Кагдыгаса, которые *«присоединились к Русскому народу, а Канза-пег не присоединился»*, но *«русский народ подает Канзы-пегу калачи лопатами»*, а еще Канзы-пег оказался душегубом – *«убивает детей обманом, оторвавши им головы»*. В предании этом тот же драматический финал – перекладина, на ней – зацепленный крючками, но уже закованный в цепи Канза, поющий песню. Но песня, не изменив основного смысла, подает его в новом, тоже образном выражении: *«Если бы Тегдик таким же образом был закован в железные стремена, то я жестоко отомстил бы (за это)... Если мое шестигранное ружье не попадет в 60 Русских, то пусть ржавчина съест мою спину! Если мое семигранное ружье не попадет в 70 Русских, то пусть съест меня на земле ржавчина!»* [Там же]. Несколько изменен и финал: *«В какой день он умер, в тот же день пришла бумага от Белого Царя: “Пусть пришлют того Канза-пега сюда!”»*.

Предание, записанное в улусе Арыков, левый берег Абакан, по содержанию, линиям сюжета соотносится с первым преданием (улус Архипа Чертыкова, левый берег реки Абакан), отличаясь лишь образами предсмертной песни Канзы с обращениями к домам, *«имеющим веретенообразные крыши... имеющим ящикообразные крыши»*, которые могут укрыть Канзу. Безысходная обреченность звучит в песне этого предания, чего не было в предыдущих двух: *«Отдамся я русским казакам! Конечно, будут у меня нить тогда основания позвонков!»* [Там же, с. 365]. Удивляет степень вариативности в предании, записанном в этом же улусе: *«Народ, поймавши Канза-пега, свалил его в лодку, наложив ему на руки и на ноги железные прутья»* [Там же, с. 368]. Казнь на перекладине с крючками сменяется виселицей (...будучи на виселице, он пел...). А сама песня, сохраняя мотив обреченности, удивляет реципиента нечто необычным – оборотничеством (в предсмертных грезах Канза-пег превращается в птицу, способную улететь от врагов): *«Живши со всем народом Канза-пег, ходивши по ночам, не попадался! Он был подобен птице, которая родившись ночью, размахивает крыльями и улетает! Как из яйца, снесенного ночью, родится птица и, вспорхнувши, улетает, так и живший с 10.000 Канза-пег, ходя по ногам, не попадался (улетал)!»* [Там же].

Вариант предания, записанного в улусе Олтоков (*«в 6 верстах от села Аскысского»*) «дорисовывает» еще одну неблагоприятную черту характера одиозного героя: *«Был сильный человек, по имени Канза-пег. Небольшой отряд народа он сделал своим народом и стал брать с него подати. Что хотел он, то и делал с ним. Они (подданные) боялись его. После этого пошла к царю бумага: “Тогда Канза-пег – сильный человек! Он мучит тамошний народ!”»* [Там же, с. 413-414]. Новацией, таким образом, является, и сама петиция народа, и ее содержание, и пленение Канзы-пега в доме его *«Русского знакомого»*. А сюжет песни обреченного на казнь в чем-то повторяет песни предыдущих вариантов, если не считать исключением образные, традиционные для хакасов метафорические обороты, типа *«человеком, долженствующим растаять и умереть»*, *«человеком, долженствующим полинять и умереть»*, и выразительные эпитеты с эмоциональным и волнующим обращением, характеризующие упрямство боевых лошадей братьев Канзы-пега и глубину его психологической драмы: *«О если бы мой Когдыгас приехал сюда, вложивши ноги в стремена из желтой меди! О если бы мой Тегдигес приехал сюда, вложивши ноги в железные стремена. Может быть, они вернули бы мою умирающую душу!»* [Там же, с. 414].

В этом же улусе Олтоков записано еще одно предание о Канзы-пеге, в котором традиционные эпизоды пленения и исполнения им песни-ухода *«наращиваются»*, эпизод описания самого факта патологической жестокости князя Канзы-пега, не оценка, а сам факт: *«Возле него играли два мальчика, стреляя стрелами. Он сказал им: “Идите сюда, мальчики! Я дам вам по яйцу!” Когда они подошли, он поднял их обоих за волосы и, стукнув голову одного о голову другого, разбил их»* [Там же, с. 453]. Здесь же, в улусе Олтоков, записан рассказ, который следует сразу за выше приведенным преданием, являясь в определенной степени его продолжением с указанием имени рассказчика: *«Я (рассказчик Кебей) видел портрет Канзы-пега и Иреса... Портрет Канза-пега сделан на толстой бумаге. На портрете он представлен связанным кругом. К сапогам его приставлена лестница... На том портрете Канза-пег лежит на спине. На портрете Канза-пег представлен в 10 раз больше людей, связавших его. Виселицы там не видно. Часы его (карманные) люди сами нести не могут, везут их на паре коней»* [Там же]. Этот рассказ, хотя и с элементами гиперболизма, определенно, еще одно немаловажное свидетельство, оправдывающее историзм преданий о князе Канзе с их убедительной региональной конкретикой.

Все десять исторических преданий объединяет одно, очень важное для хакасов событие – воссоединение в XVIII веке с Россией, подчинение «Белому Царю», а время создания этих преданий – век XIX. О том, кто и как присягал «Белому Царю» рассказывается в предании, записанном в улусе Алпаков на левом берегу Абакана: *«Сыновья Кан Сюлю: Он – пняк (он – быяк) и Пес-пняк (Писпьяк). Сыновья их: Молак и Мыягыс. Эти два человека подчинились Белому Царю. Сын Мыягыса Чагбанай. Сын Чагбаная Чаябыяк (Салбыяк). Сын Чалбыка Пытан, брат Сарыча. Сын Пытана я (рассказчик), Пыласкан. Сын Пыласкана Соыынча. Имя дочери его Кызычак (девочка). Русское имя Соыынчи Владимир (крещен в 1876 году). Место, где жил*

и работал Чалбыяк, было Сос (деревня Иудина). Братья его были следующие: старший брат его Частай, а младший – Кыначы. Этот Кыначы был начальник, которому от Белого Царя вышел знак (медаль)... При жизни Кыначы приехал сюда из царской земли (т.е. из Петербурга) чиновник» [Там же, с. 343]. Таким образом, уже были довольно-таки высокопоставленные Царем люди из местных, царские наемники, как указанный Кыначы, которым доверяла верховная власть. «Признавайте (сов. кладите) единого Бога! – кричал он. – Кроме этого признавайте государя, Великого Начальника!». И далее Н. Ф. Катанов разъясняет: «Под Государем разумел он Белого Царя. Заставши присягнуть в том, чтобы не думать ни о чем другом, этот чиновник подает концом копья калачи». И далее описывается сам акт присяги – строгий и в определенной степени унижительный: «Народ говорит: “Если я буду думать иначе, то пусть буду заколот концом этого же копья”» [Там же]. Горький сарказм пронизывает две заключительные фразы предания, принадлежащие самому ученому-собирателю: «Ест народ калачи с конца копья. Вот как в древнее время присягали (сов. ели клятву)!».

Таким образом, в данном предании, лишенном какой-либо внутренней строгой художественной структуры, свободно повествуется со скрупулезной точностью о реальных людях, подчинившихся Белому Царю, каким образом это произошло, с перечислением имен, включая самого рассказчика по имени Пыласкан, и некоторые детали процесса, вряд ли сохранившиеся в каких-либо других источниках. Этому не может не верить и сам рассказчик, и его благодарный слушатель.

В улусе Олтоков на правом берегу реки Аскыса записано предание, которое в определенной степени развивает, дополняет тему «Белый Царь и хакасы». Для предания характерна такая форма жанровой типологии исторического предания, как трехчастность сюжета. Персонажами здесь являются представители трех хакасских народов – «Сагаец с товарами», «человек по имени Мойнак из Томнаров (Казановского рода)» и Бельтыры. Тип их действия – путь к царю: «в самом начале, – читаем, – когда вступил на престол царь (Александр I)», а цель раскрывается в деловом, энергичном диалоге: «Царь спросил у них: “С какой просьбою вы пришли?” – “Да, пусть дума будет наша! Мы пришли с этой просьбою!” – “Не пришел ли с вами еще какой-нибудь человек?” – “Пришли!”», – отвечали Сагайцы. – «Кто?» – спросил царь. – «Бельтыры!» – отвечали они. «Пришел ли еще какой-нибудь?» – «Пришел человек, по имени Мойнак!» – «Где он?» – спросил царь. – «Остался сзади!» – отвечали они. – «Где бельтыры?» – «Остались сзади! Сагайцы поднесли в дар 6 соболей. После пришли и Бельтыры; за ними явился и Мойнак» [Там же, с. 452].

В канву диалога вторгается необычный факт, ситуация: Мойнак демонстрирует царю меткость стрельбы из лука: «на расстоянии 100 сажень» на голове человека разбил стрелой яйцо. «Царь похвалил его и спросил: “К какому народу ты принадлежишь?” – “К Томнарам!” – отвечает он. – “Много ли народа будет, Мойнак?” – “Есть же” – “Пусть фамилия всего вашего народа будет Мойнак”. Царь подарил Сагайцам меч с золотым череном (рукояткою), а Мойнаку подарил стеклянную трость. Сагайцам он сказал: “Да будет дума ваша!” Бельтырам он не дал ничего, так как они спали и остались сзади» [Там же]. Предание венчается интересной, имеющей познавательное истолкование фразой: «От Мойнака произошли (нынешние) Мойнагашевы». Финал предания – это завершение сюжета – его 3-я часть – следствие происходящего действия.

Было ли такого рода событие? Фантазия сказочная отсутствует. Возможно, это вымысел с реализацией мечты народа о добром, щедром царе? Однако рассказанное убеждает нас этнореалиями, деталями происходящего, и хочется поверить в эти давно минувшие события первой половины века XIX и особенно в то, как произошла фамилия «Мойнагашевы».

Своеобразно по своей жанровой природе и необычными историческими экскурсами в далекое прошлое (конец XVI века) предание, записанное в городе Нижнеудинске Иркутской области. В оглавлении помечено – «Предание о древних карагасах и бурятах». По своему началу оно предполагает быть обозначенным как предание генезисное (происхождение этнообразований): «Народ Туба стал считаться Туба. Был тогда народ Бурятский, живший на этой р. Уд. Бурятский народ подчинил себе Карагасов и сделал своими подданными, заставивши платить подати. Бурятам платили подати 4 кости: Кара Чогду, Чооду, Каи и Сарыг Каи. Чептей – кость, ушедшая от Адай (Монголов), не платила податей, говоря: “Мы не станем платить подати народу, не заслуживающему похвалы, а будем платить Русскому (народу)»». Бурятский царь сказал: «“Пойду и посмотрю устье своей реки! Быть может, найду и людей!” Сказавши, он пошел вниз по Уде... Пришли Русские и поймали его..., – спросили: “Что ты за человек?” – “Я – царь здешнего народа!” – отвечал он. Русские сказали: “Вы будете платить нам подати! Мы будем вашим царем...” Кость Чептей стала платить тем Русским подать...» [Там же, с. 657]. Далее в повествовании называется исторически значимое имя, позволяющее предположить хронологический исход этого предания – 80-е годы XVI века – время покорения Сибири Ермаком: «Имя тех русских было “человек Ярмака (Ермака)”. Тот Ярмак собрал все здешние народы. Раньше того Карагасский народ дрался друг с другом, будучи подобен зверям. На той стороне этого города (Нижнеудинска) была поставлена казарма... Там поселились казаки и солдаты. Впоследствии Царь пригнал сюда людей и основал город (в 1647 году)». «Из этой земли Буряты вместе с Русским чиновником... осмотрели дорогу. Потом Русский чиновник сказал: “Вот здесь будут деревни, поселятся люди и протянется дорога!” Потом появились деревни и дорога (Сибирский тракт), и поселились люди» [Там же]. Как совместить Ермака (покорение Сибири под его началом обозначается периодом 1582-1585 гг.) и основание города в 1647 году? Что это? Анахронизм или произвольный синтез двух важных для сибирских народов событий? Скорее всего, второе – совмещение рассказов – воспоминаний, представляющих интерес не для одного человека или группы лиц, а для всей той общественной среды, в которой он бытует, а передаваемые факты, события оцениваются с общественной точки зрения – покорение Сибири Ермаком, российская экспансия, строительство казачьих крепостей, городов, поселений, Сибирский тракт. Предания, особенно исторические, в частности, вышеприведенное, несут явно выраженное эквивалентное начало: в зарождении

и развитии преданий имели место общие законы, приемы формирования произведений этого жанра, что рождало подобные типологические явления в преданиях различных народов и историко-культурный обмен, приводивший к включению в национальный фонд преданий международных сюжетов и типов героев (русские предания о Ермаке, о царях). Хакасским историческим преданиям в сопоставлении с преданиями другой тематики, да это и факт типологии, в большей степени присущ конкретный историзм и проблематика социального свойства. Народная культура и составляющие ее мифы, легенды, нымахи (сказки) и алыптыхнымахи (былины), песни, обряды стали источником архетипических тем, ситуаций, образов и мотивов хакасских преданий.

Список источников

1. **Азбелев С. Н.** Отношение предания, легенды и сказки к действительности (с точки зрения разграничения жанров) // Славянский фольклор и историческая действительность. М.: Наука, 1965. С. 5-25.
2. **Аникин В. П.** Теория фольклора: курс лекций. М.: Университет; Книжный дом, 2004. 432 с.
3. **Гусев В. Е.** Эстетика фольклора. Л.: Наука, 1967. 318 с.
4. **Катанов Н. Ф.** Образцы народной литературы тюркских племен: в 9-ти т. СПб., 1907. Т. IX. 657 с.
5. **Кравцов Н. И., Лазутин С. Г.** Русское устное народное творчество. М.: Высшая школа, 1977. 375 с.
6. **Снегирев И. М.** Новый сборник русских пословиц и притчей, служащий дополнением к собранию русских народных пословиц и притчей, изданных в 1848 году И. Снегиревым. М.: Университетская типография, 1857. 91 с.
7. **Соколова В. К.** Русские исторические предания. М.: Наука, 1970. 289 с.

**HISTORICAL LEGENDS OF THE KHAKASSES RECORDED BY N. F. KATANOV (1889-1892):
GENRE-STYLISTIC SINGULARITY, TYPOLOGY**

Kosheleva Al'bina Leont'evna, Doctor in Philology
Khakass Research Institute of Language, Literature and History, Abakan
kosheleva.albina.38@mail.ru

Legends are one of the genres of folk spiritual culture of the Khakasses, its phenomenon, which the great orientalist, philologist, historian N. F. Katanov could not pass by. However, having a great cognitive significance, this genre was beyond scientific interests. In this article the author discusses the subject, poetics of the Khakass historical legends in the context of their national-historical specificity and creative typology for the first time.

Key words and phrases: legend; tradition; typology; ritual; fairy tale; cycle; recipient; genesis; history; national culture.

УДК 82-1

В статье рассматриваются особенности функционирования жанра баллады в современной отечественной поэзии. На материале «Баллады поэтического состязания в Вингфилде» Т. Кибирова демонстрируются основные черты современной баллады, основанной на литературной игре с жанровым канонем, пародировании, иронии. Установлено, что, вступая в поэтический диалог с Ф. Вийоном и Ф. Ницше, Т. Кибиров утверждает значимость нравственных ценностей в современном мире.

Ключевые слова и фразы: современная поэзия; баллада; жанровый канон; литературная игра; пародирование; поэтический диалог.

Пивкина Екатерина Васильевна

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева, г. Саранск
corpsebride7@rambler.ru

**ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЖАНРА БАЛЛАДЫ
В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПОЭЗИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ «БАЛЛАДЫ ПОЭТИЧЕСКОГО СОСТЯЗАНИЯ В ВИНГФИЛДЕ» Т. КИБИРОВА)**

Сегодня в науке о литературе наблюдается заметный интерес к проблеме жанрового синтеза, наиболее ярко представленного в поэзии рубежа XX-XXI вв. Изменение общей картины поэтических жанров происходит за счет замещения традиционных форм новыми, которые, в свою очередь, представляют собой модификацию исторически сложившихся. Диапазон жанровых преобразований может варьироваться от незначительных сдвигов в жанровой структуре до ее существенной перестройки и даже деформации. В этой связи особый интерес представляет жанр баллады, переживающий «своеобразный ренессанс на рубеже XX-XXI веков» [2, с. 27]. В своем развитии, как известно, баллада прошла долгий и сложный путь. Свое начало она берет от лирической хороводной песни любовного содержания (XIV-XVI вв.), но постепенно с течением времени обрастает многими дополнительными признаками, такими как напряженная драматическая фабульность сюжета при соблюдении господствующего лирического тона, фантастичность, мифологизация и т.д.

Балладный синкретизм (синтез лирического, эпического и драматического начал) становится весьма привлекательным для современных поэтов. К жанру баллады активно обращаются такие поэты, как О. Хлебников